

Владимир Абрамов, Владимир Кузин

**К 750-летию вечного анклава
Калининград-Кенигсберг
на весах европейской истории**

Поводом для появления этой статьи стало оригинальное решение российского правительства начать подготовку к празднованию в 2005 г. 750-летия со дня «основания Калининграда». В этой формулировке, как в капле воды, отразилась противоречивая и непоследовательная позиция политической элиты России, столкнувшейся с необходимостью решения «калининградской головоломки». Конечно, смешно думать, что король Чехии Отокар II Пшемьсл принимал участие в закладке Калининграда. Вместе с тем юбилей, даже проводимый в такой специфической трактовке, позволяет взглянуть на проблемы, связанные с существованием российского анклава на Балтике, в более широком историческом контексте. В этом отношении судьба приморской равнины между устьями Немана и Вислы уникальна: уже трижды за последнее тысячелетие здесь возникали анклавы.

Само появление Восточной Пруссии на карте мира связано с тактическим решением, которое повлекло за собой цепь событий, совершенно не просчитанных стороной, выступавшей инициатором первоначального действия. Как известно, на рубеже XII-XIII веков восточные окраины польского королевства страдали от соседства с воинственными пруссами. Находившиеся на стадии разложения родового строя (этап так называемой «военной демократии») язычники-пруссы доставляли большое неудобство своим католическим соседям-полякам. История хранит упоминания не только о дерзких набегах, но и о пленении одного польского короля прусскими дружинниками. Ситуация во многом осложнялась тем, что Польша в это время переживала период раздробленности и не могла

мобилизовать свои силы для отпора воинственным соседям. Выход был найден князем Конрадом Мазовецким. В 1226 г. он подарил часть своих земель Тевтонскому ордену. Казалось бы, правильное решение: «пруссский» вопрос передан профессиональным воинам, орденским рыцарям, способным с помощью папского престола мобилизовать значительные силы христианской Европы. Со своей стороны, потерпевший поражение в Святой земле, Тевтонский орден получил блестящую возможность для своей реабилитации как в идеологическом (успешная борьба с язычниками), так и в политико-экономическом планах (захват значительной территории). Немаловажную роль играли и военно-стратегические аспекты проблемы: Пруссия расположена гораздо ближе к Центральной Европе, чем Иерусалим. Поэтому снабжение войск и их перемещение было гораздо проще организовать по сравнению с театром действия ближневосточных крестовых походов.

История не знает сослагательного наклонения, но легко догадаться, что, уклонившись от активного участия в прусской проблеме, польская элита во многом предопределила судьбу своей страны на многие столетия вперед. Тевтонский орден недолго сохранял свой «общеευропейский» характер, все больше превращаясь в чисто немецкое по этническому составу предприятие. В течение века рыцари вели напряженную борьбу с прусско-литовскими язычниками, фактически защищая северо-восток Польши. Но при этом орден вел экспансию не только на восток, но и на запад, по кусочку «отламывая» от Польши одну территорию за другой. В итоге, одного противника сменил другой, значительно более опасный не только из-за своей централизации и военного профессионализма, но и за счет активной помощи со стороны немецких князей. Начатый Альбрехтом Медведем и Генрихом Львом «натиск на Восток» сопровождался встречным движением со стороны юго-восточной части побережья Балтики, осуществляемым рыцарями Тевтонского ордена. Уже в XIV в. Польша вынуждена была вести напряженную борьбу с преемниками тех, кого призвал Конрад Мазовецкий.

Между тем ситуация могла выглядеть совсем по-другому, если бы польский правящий класс не отказался от напряженной деятельности, сочетавшей в себе активную оборону с попытками христианизации воинственных соседей. Даже если бы этот процесс не привел к абсолютному успеху, то можно

предположить высокую вероятность вхождения племенных союзов пруссов в состав этнически близкого Литовского княжества. Последнее затем вошло в состав Речи Посполитой. Во всяком случае, в таком гипотетическом сценарии нет места немецкой провинции Восточная Пруссия, являвшейся источником постоянной угрозы польскому государству с северо-востока.

После II Торунского мира 1466 г. Тевтонский орден окончательно утратил территориальную связь с Германией и оказался в ленной зависимости от польских королей¹. Но «прусская» заноза не была полностью вынута. Сначала последние магистры Ордена, а затем их приемники, герцоги Бранденбургские, коронованные после секуляризации герцогами, а впоследствии и королями Пруссии, на протяжении трех веков стремились восстановить сухопутную связь Восточной Пруссии с Германией. Сделать это удалось осенью 1770 г. Фридриху II. Этот шаг был прелюдией к печально известным разделам Польши между соседними государствами.

В результате поражения Германии в I мировой войне Восточная Пруссия вновь оказалась изолированной от остальной части страны. Вероятно, не стоит подробно напоминать читателю, что формально именно стремление Германии восстановить сухопутную связь со своим анклавом послужило поводом для агрессии нацистов против Польши. В значительной мере это было обусловлено экономическими проблемами. Между мировыми войнами Кенигсберг как транспортный узел должен был конкурировать с Гданьском (Данцигом), связанным таможенным союзом с Польшей и Клайпедой (Мемелем) и включенным в 1923 году в состав Литвы. Изоляция экономики Восточной Пруссии привела к спаду и кризису, который был несколько смягчен сотрудничеством с СССР. Центральное правительство Германии принимало ряд мер, в том числе закон “Об экономической помощи Восточной Пруссии”³. В 1925 году Польша и Литва согласованно подняли таможенные сборы и установили специальные железнодоро-

¹ *Очерки истории Восточной Пруссии.* – Калининград, 2002. – С. 74.

² Там же. – С. 128.

³ *Краткий исторический очерк экономики Восточной Пруссии.* См. Хлопецкий А., Федоров Г. *Калининградская область: регион сотрудничества: Монография.* – Калининград: Янтарный сказ, 2000. – 736 с.

рожные тарифы⁴, в результате чего добились практически полного прекращения экспорта древесины из Литвы и Польши через Кенигсберг⁵.

Присоединение северной части Восточной Пруссии к СССР по итогам II мировой войны можно комментировать бесконечно. Авторы не собираются конкурировать с политологами, историками, политиками и дипломатами различных стран, которые высказались и еще будут высказываться по этой проблеме. Нас вполне устраивает констатация очевидных фактов: нынешняя Калининградская область была военным трофеем, колонизированным советским правительством после депортации немецкого населения. Необходимое уточнение – 105 тысяч немцев было переселено в Германию, а отнюдь не в Сибирь, как можно понять из выступлений некоторых исследователей «калининградской проблемы». Всего же из стран Восточной и Центральной Европы в 1945-1949 гг. было депортировано более 5 миллионов этнических немцев. Данная акция вряд ли будет отнесена к достижениям гуманизма, и не большим утешением станет вывод о том, что переселение немцев после II мировой войны не идет ни в какое сравнение с «переселением» армян в Османской империи, более известным как геноцид армянского народа в 1916-1917 гг. Одно горе нельзя утешить тем, что у других беда страшнее.

Официально решение о передаче г. Кенигсберга и прилегающей к нему территории Советскому Союзу было принято на берлинской конференции союзных держав в июле-августе 1945 года⁶. Тогда же было оформлено решение о границах Польши и передаче ей Данцига и части Восточной Пруссии. Внимательное рассмотрение документов конференции показывает, что попытки ряда российских ура-патриотов апеллировать к судьбе Клайпедского (Мемельского) края в попытках оказать давление на Литву лишены оснований. Клайпедский

⁴ Интересно, что тем же путем пошла Литва в 90-е годы для повышения конкурентоспособности Клайпедского порта.

⁵ Почс К. Я. «Санитарный кордон». Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921-1929). – Рига, 1975. – С. 44.

⁶ Сообщение о Берлинской конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. 1944–1945 / МИД СССР. – М.: Политиздат, 1984. – 575 с.

край рассматривался руководством Советского Союза как часть Литвы на основании Версальского договора.

Вместе с тем, необходимо четко обозначить и другой аспект послевоенной истории Восточной Пруссии и других аналогичных территорий (Судет, южной части Восточной Пруссии, Померании, Клайпедского края, бывшей финской части Карельского перешейка и т.д.). Эти районы интегрированы в состав соответствующих государств, а их нынешнее население стало частью национальных сообществ (польского, литовского, российского).

Период с момента окончания II мировой войны до распада советского блока принято рисовать, и справедливо, черными красками. К исключениям, только подтверждавшим правило, относится договор между Польшей и Германией, закрепивший сложившиеся границы. Не думаем, что кто-то не согласится со словами Л. Брежнева, которые тот сказал 5 мая 1978 года в ФРГ: “Оздоровление отношений ФРГ с ее непосредственными или близкими соседями – ГДР, Чехословакией, Польшей и другими социалистическими государствами Европы, безусловно, являются взаимно выгодными для сторон”⁷. В остальном все страны социалистического лагеря маршировали в сторону светлого будущего под командованием Коммунистической Партии Советского Союза, которая, будь она человеком, вполне могла бы сказать: “государство – это я”!

Издевкой истории выглядит тот факт, что распад СССР вновь вернул северную часть бывшей Восточной Пруссии в анклавное состояние. К сожалению, в отличие от правительства Веймарской республики, лидерам посткоммунистической России было недосуг вдаваться в специфику положения новоявленной заграничной провинции РФ. Попытки местного сообщества выйти из глубокого социально-экономического кризиса за счет создания в Калининградской области Свободной экономической зоны успешно саботировались федеральной бюрократией под предлогом борьбы с неким “калининградским” сепаратизмом. Первые десять лет существования нового анклава на старом месте запомнились чередой решений президента и правительства РФ, то вводивших определенные компенсации для местных предприятий, то отменявших их под различными надуманными предложениями.

⁷ Брежнев Л. И. *Ленинским курсом. Речи, приветствия, статьи, воспоминания.* – М.: Политиздат, 1979. – С. 319.

Итогом столь оригинальной хозяйственной стратегии стало превращение Калининградской области в зону свободной торговли, где основу бизнеса составляла игра на разнице цен на подакцизные товары, сложившейся по разные стороны русско-польской и русско-литовской границы. Только после дефолта 1998 г. в регионе стало бурно развиваться импортозамещающее производство. В итоге к началу 2003 г. в анклав собирают каждый третий российский телевизор, выпускают треть жестяной тары европейского стандарта в РФ, производят 33% рыбных и 13% мясных консервов страны⁸. Правда, российские и зарубежные эксперты предпочитают не замечать эту трансформацию. Уж больно мила их сердцу модель региона – “черной дыры”, рая для контрабандистов и криминальных элементов. В данном случае исследовательское сообщество попало в ловушку алармизма, т.е. нагнетания страхов и истерии. Давно известно, что более мрачные прогнозы пользуются большей популярностью у аудитории по сравнению с относительно объективными оценками. Гораздо проще страдать ЕС апокалипсической картиной перехода полутора миллиардов китайцев через российско-польскую границу в районе Калининградской области, как это делал один из представителей польских спецслужб, чем заниматься модернизацией системы погранпереходов. Кстати, за 2002 г. было зафиксировано 153 попытки нелегальной миграции в Польшу через калининградский участок границы и пресечено около тысячи покушений на незаконное пересечение в целях проноса контрабанды (Янтарный край, 2003, 18 января). Картина, как видим, несколько отличающаяся от миллиардов китайцев на северо-восточных польских рубежах.

Вступление соседей Калининградской области – Польши и Литвы – в ЕС превращает данную территорию в анклав внутри Европейского Союза. Большинство экспертов, рассматривая калининградскую тему в контексте расширения ЕС на Восток, считает, что у области имеются только две перспективы: быстрой и глубокой модернизации или превращения в «шенгенское гетто». Третьей возможности – сохранения “статуса кво” не будет. Поддержание такого статуса может оказаться слишком дорогим удовольствием для не слишком богатой России, а дальнейшая консервация проблем «Калининградской головоломки» способно привести лишь к ухудшению

⁸ Социально-экономическое положение Калининградской области в 2002 г. – Калининград, 2003. – С. 157, 162.

не только экономического положения области, но и общей атмосферы в данной части европейского континента.

На наш взгляд, «калининградская проблема» не очень адекватно воспринимается не только российской, но и европейской политической элитой. Значительная часть политического класса стран Центральной Европы строит свой внешнеполитический курс под воздействием идеологических клише не первой свежести. До сих пор России дают сдачи за многочисленные исторические обиды прошлого. Заниматься этим можно до бесконечности, но практическая ценность подобного курса равна нулю. Политикам в России и Европе необходимо стать прагматиками, а не использовать лозунг «кто не с нами, тот против нас». Российские политики склонны жить вчерашним днем в отношении стран, составлявших Советский Союз, и не различать оттенки на карте Западной Европы, как это сделали Соединенные Штаты, проводя свою политику в отношении Ирака.

Следует признать, что длительное время внешняя политика РФ на центральноевропейском направлении представляла собой вакуум. Сейчас существуют две возможности его заполнения. Во-первых, стороны могут вспомнить о своих прагматических интересах и перевести взаимоотношения в деловое русло. Во-вторых, комплекс обид «старших» и «младших» братьев позволяет продолжить обмен пропагандистскими обвинениями. Построить виртуальную стену ненависти несложно. И в России, и в странах Центральной Европы найдется определенное число политиков, которые с удовольствием вернутся в окопы очередной «холодной войны». Как говорится, внешний враг объединяет, отвлекает внимание от внутренних проблем. Играть на чутких струнах национальной гордости гораздо легче, чем проводить эффективную экономическую политику. Правда, зайти такой дорогой можно довольно далеко, но каждый политик считает себя гением всех времен и народов и искренне верит в то, что ему удастся пройти той дорогой, на которой свернули шеи поколения предшественников.

Забавно наблюдать заочную конкуренцию России и Польши за звание «защитника Европы». Российские политики и идеологи регулярно напоминают об исторических заслугах страны в обороне континента от «степной опасности», «монгольской угрозы». Со своей стороны, их коллеги из Польши продолжают видеть в своей стране «щит цивилизации» от

«русского варварства». Одному из авторов довелось полемизировать осенью 2002 года на Восточноевропейском экономическом форуме в Крынице Гурской с несколькими польскими интеллектуалами. В отличие от бизнесменов, которых можно встретить и в Португалии, и далеко за Уралом, политологи склонны рассуждать о восточных границах Польши как о крае ойкумены. Жизнь на окраине оправдывает лень и отставание в развитии, но простой взгляд на карту Европы позволяет увидеть, что Польша – это практически географический центр и потенциальный европейский перекресток. (Это, впрочем, характерно и для многих калининградцев, у которых развился своеобразный «синдром форпоста».) Вступление Польши в НАТО и ЕС стимулировало активизацию использования данного тезиса для обработки не только польского, но и европейского общественного мнения.

На региональном уровне, в отличие от федерального, политики никогда не оспаривали права стран, с которыми граничит область, на определение своей политики. Даже такой «крепкий хозяйственник», как бывший губернатор Леонид Горбенко, сказал о вступлении Литвы и Польши в НАТО и ЕС: «Это их выбор. Мы нормально живем со всеми, у нас хорошо, как я считаю, развивается сотрудничество со странами Балтийского моря. Но надо понимать, что область – субъект Российской Федерации – не может самостоятельно строить свои отношения с зарубежьем...»⁹.

Первый постсоветский руководитель Калининградской области Юрий Маточкин подходил к взаимоотношениям с обоими государствами с позиций прагматизма. В период начала 90-х годов, когда Россия еще не выстроила отношений, очень многое зависело от региональных властей. В эти годы, впрочем, экспромты были характерны и для польских властей. Вот что пишет Маточкин про 1993 год: «Идея сотрудничества родилась спонтанно во время переговоров Л. Валенсы в Кремле, куда были приглашены и представители нашей области. Тогда был подписан ряд межправительственных соглашений между нашими государствами»¹⁰. Отношения с Литвой в «холодные времена», наступившие сразу после приобретения ею независимости (период правления В. Ландсбергиса),

⁹ Горбенко Л. *Мысли и сердце* // Андреева Т., Дмитриева Л., Дмитриев Н. – Калининград: Изд. Дом «ОКДМ», 2000. – 208 с.

¹⁰ Маточкин Ю. *На изломе*. – Калининград: Янтар. Сказ, 1999. – 240 с.

постепенно начали улучшаться. «В 1994 году начал таять лед в наших отношениях с Литвой. Вначале пришло понимание на уровне человеческих контактов, что ориентация только на Запад не принесет этой республике большой пользы. Потом и на уровне государственном Литва осознала, что может потерять калининградский рынок, и наши отношения стали улучшаться»¹¹. Парадокс заключается в том, что на этом фоне начали ухудшаться отношения с Польшей.

Существует точка зрения о том, что статус «прифронтовой зоны» содействует получению больших объемов экономической помощи со стороны евро-атлантических структур. В качестве примера приводится опыт ФРГ и Турции, сумевших получить максимальную выгоду из противостояния Запада и Востока периода «холодной войны»¹². При этом вне поля зрения остается другая сторона вопроса: какую выгоду те же государства могли бы извлечь из активного экономического и культурного сотрудничества, если бы основные игроки на мировой арене в свое время были бы способны проявлять прагматизм систематически, а не только во время коротких передышек между крестовыми походами за демократию или мировую революцию?

«Вечный анклав» Калининград-Кёнигсберг несложно превратить в линию нового конфронтационного разлома в Европе. Хотя идеологическая основа для нового противостояния на сегодняшний день отсутствует, массовое сознание в посткоммунистических странах неоднократно демонстрировало свою податливость к различным вариантам национализма и ксенофобии. Кроме того, конфликт, пройдя начальную стадию, получает возможность жить своей собственной жизнью, когда каждое движение вероятного противника порождает ответное действие противной стороны. А это, в свою очередь, служит аргументом для реакции оппонентов. Такой вот своеобразный «вечный двигатель» политического противоборства.

Вероятность развития конструктивного сотрудничества ЕС, стран Центральной Европы и России по превращению калининградского анклава в зону экономического взаимодействия, полигон интеграционных технологий, на котором можно было бы отработать различные варианты и модели совмест-

¹¹ Там же.

¹² Эксперт. - 2002. - № 45.

ной деятельности в различных сферах, представляющих взаимный интерес, на сегодняшний день представляется не слишком высокой. Речь идет не только о том, что российская сторона мучается с определением стратегического подхода к судьбам своей заграничной области, выбирая, что удобнее сделать из региона: амбразуру или окно.

Вместе с тем, наблюдателей не оставляет впечатление, что многие польские политики только сейчас узнали о том, что на востоке их страна граничит не только с Украиной и Литвой. Причем это открытие не вызвало у них позитивного отклика, скорее напротив. В подтверждение данного тезиса можно вспомнить развитие ситуации во второй половине 90-х гг. Тогда польское правительство сознательно свернуло экономические связи с Калининградской областью, т.к. сочло данное направление внешнеэкономических связей бесперспективным. Не успели захлопнуться двери за польскими фирмами, покидавшими «калининградский тупик», как освободившаяся экономическая ниша была занята литовцами. В 2002 г. польский капитал инвестировал в экономику ближайшей к нему российской области – Калининградской – целых 3 тысячи долларов. Такие глобальные капиталовложения вполне может себе позволить калининградец среднего достатка. Естественно, можно объяснить подобное положение тем, что анклавная область не представляет собой никакого экономического интереса. Правда, эту позицию, видимо, разделяют не все: в 2002 г. помимо указанных выше громадных инвестиций Польши в хозяйственный комплекс Калининградского региона Швейцарией было вложено 7 млн. долларов, Германией – 4,5 млн. Эстония инвестировала в основные фонды совместных предприятий на территории анклава в 2002 г. почти 900 тысяч долларов, а северный сосед – Литовская республика – 250 тысяч долларов. Всего за упомянутый год в экономику Калининградской области было вложено почти 48 миллионов долларов США¹³.

Польше, даже помимо ее воли, придется принимать непосредственное участие в разрешении «калининградского вопроса». Понятно, что с точки зрения экономики для польских политиков Калининградская область с населением в 927 тысяч человек (что составляет только 0.5% российского населения) и вкладом в российский ВВП в размере 0.65% малоин-

¹³ Социально-экономическое положение Калининградской области в январе 2003 году. – Калининград. – С. 36.

интересна на фоне 38 – миллионной Польши. Для Литвы с трехмиллионным населением область гораздо интересней, кроме того, не без значения личные контакты и знание особенностей экономики (стартовые условия одинаковые).

Парадокс заключается в том, что существует два пути. Первый – путь интеграции, необходимость которого диктует возрастающая конкуренция с американской зоной свободной торговли, и второй – изоляции России от Европы, питаемый старыми страхами и подозрительностью. С обеих сторон границы есть сторонники и противники обоих этих путей. Исходя из этого, Польша должна выработать свою позицию, которую она, в отличие от Литвы, сможет продвигать в ЕС благодаря своему весу. У Литвы, к сожалению, возможности будут не столь велики. Однако организовывать сотрудничество в одном случае или стоять на рубеже в другом придется полякам и литовцам в силу географических обстоятельств.

«Калининградский» вопрос является одним из элементов многоплановых отношений РФ со странами Центральной Европы. Уникальный опыт успешной социально-экономической и политической трансформации, накопленный в этой части континента после краха коммунистической системы, представляет чисто теоретический интерес для узкой группы академической общественности. Между тем, на востоке Европы существует огромная потребность в использовании адаптированных к местным условиям методик и механизмов переходного периода, хорошо зарекомендовавших себя в Польше, Венгрии, Чехии и Словении. Республики бывшего Советского Союза страдают не столько от реформ, сколько от неэффективных моделей их проведения, когда интересы населения приносятся в жертву потребностям узкой кучки бюрократов и спекулянтов. Активизация социально-экономических, политических и гуманитарных контактов между странами Центральной и Восточной Европы могла бы принести очевидную пользу обеим сторонам. Для Калининграда это актуально еще и потому, что он относится к экономическому кластеру, включающему Литву и ряд восточных воеводств Польши со сходными природно-климатическими условиями и традиционными сферами хозяйствования. Опыт перехода экономик этих государств гораздо лучше ложится на российскую практику, что обусловлено одинаковыми стартовыми условиями и знанием особенностей, а также наличием практики решения конкретных проблем.

При этом было бы желательно, чтобы руководство России открыто заявило о том, что не ставит под сомнение интеграцию бывших союзников в НАТО и ЕС. Российская дипломатия не должна пытаться подвергнуть ревизии вновь обретенную евро-атлантическую идентичность жителей Центральной Европы. Если кто-то стремится продемонстрировать свою лояльность по поводу и без, то, в любом случае, внешний наблюдатель должен признать право каждой страны самостоятельно определять свое политическое будущее и состав своих союзников.

Впрочем, консервация проблем вполне в духе европейской традиции, даже принадлежность к одной организации не приводит к автоматическому разрешению ситуаций, принявших хроническую форму. Примером такого решения, который скорее можно отнести к сфере «черного юмора», является Гибралтар. Понадобились почти триста лет, чтобы открыть пограничный переход. Авторы, жители Калининграда, привыкшие ездить в Польшу и Литву по делам, да и просто на выходные, как и многие другие жители области, рассчитывают на более оперативное разрешение ситуации. Но вполне очевидно, что одновременно действует слишком большое число заинтересованных сторон, вовлеченных в «калининградскую проблему». И не все заинтересованы в том, чтобы предоставить возможность для развития восточным воеводствам Польши, Литве и Калининградской области за счет тесного сотрудничества. Для некоторых игроков это лишь удобный инструмент для решения своих задач.

«Защитники цивилизации», в свою очередь, должны понимать, что лучший способ сохранить культурные достижения состоит в их распространении. Конрад Мазовецкий однажды уже счел для себя благоприятным иной вариант действий. Гарантий того, что его пример не покажется соблазнительным нынешней генерации политической элиты стран Центральной Европы, не существует. Любое решение, принятое сегодня, формирует будущее, исправить его невозможно, можно только наблюдать за его последствиями. Нельзя начать все сначала, с чистого листа, и именно поэтому политики, люди, ответственные за принятие решений, должны помнить, что было до них. Ближайшее время покажет, насколько справедлив известный тезис Олдоса Хаксли, сказавшего: «Уроки истории заключаются в том, что люди ничего не извлекают из уроков истории».